

ский генерал-губернатор С.М. Духовской, а также А.Н. Куломзин, управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги⁸⁹. Поэтому в упоминавшемся выше всеподданнейшем докладе 6 ноября 1892 г. С.Ю. Витте предлагал строить Сибирскую дорогу через Хабаровск до Владивостока⁹⁰. Александр III вполне согласился с таким подходом. Но колебания в российском руководстве сохранялись. В Комитете Сибирской железной дороги обсуждался, в частности, вариант колёсной дороги из Томской губернии в Китай⁹¹. Соображения «за» и «против» изложил А.Н. Куломзин: «Месяца два тому назад я колебался, думал о дороге по китайской территории от Кяхты в Пекин. В торговом отношении это, пожалуй, было бы вернее, но не в политическом. Одно из двух: или нам сохранить Сибирь, влияние на Востоке, влияние на Китай – тогда нам нужна сплошная дорога по Сибири в наших пределах. В будущем столетии наступит окончательная борьба европейских народов за преобладание в мире восточном. И тут нам нужна своя дорога, что бы она нам не стоила»⁹².

Однако министр финансов не оставил своих намерений строить дорогу в Китай. Вскоре в этом деле у него появился неожиданный союзник – известный в столице врач «тибетской медицины» П.А. Бадмаев.

1.7. КВЖД и бадмаевские прожекты

П.А. Бадмаев с помощью С.Ю. Витте представил Александру III записку, датированную 13 февраля 1893 г. Она интересна не столько рассуждениями самого автора, сколько тем, что в ней отразились планы министра финансов. Суть документа состояла в предложении соорудить от строящейся Сибирской железной дороги ветку в Китай до города Ланчжоу (центр провинции Ганьсу), находившегося на расстоянии 1500 вёрст от русской границы. Чтобы подкрепить интерес к Ланчжоу, П.А. Бадмаев объявил его единственным местом, имеющим «серьёзное торговое, политическое и стратегическое значение во всём мире», так как город находился рядом с центрами производства чая и шёлка. «Доктор тибетской медицины» полагал, что после успешного свержения цинской династии «вся торговля Китая попадёт в наши руки», в Россию потекут «вековые миллиарды золота и серебра», скопившиеся в Китае за двадцать веков⁹³.

⁸⁹ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф.1642. Оп.1. Д.202. Л.95–96.

⁹⁰ РГИА. Ф.694. Оп.2. Д.136.

⁹¹ А.Н. Куломзин – А.А. Куломзину 15 ноября 1893 г. // ОПИ ГИМ. Ф.42. Оп.1. №3. Л.86.

⁹² А.Н. Куломзин – А.А. Куломзину 6 декабря 1893 г. // Там же. Л.102 об. – 103.

⁹³ Ср. со свидетельством приказчика одной из торговых фирм: «В видах слабого сбыта наших товаров в городе Лан-чжоу-фу, где мы прожили уже более года, а также за неимением в этом городе подходящих китайских товаров для вывоза в Россию, я решил съездить с образцами товаров в город Си-ань-фу и Хань-чжун-фу» (Васенев А. Дневник, ведённый

Однако контроль над китайской торговлей оказался лишь частью замыслов П.А. Бадмаева. Его главной целью было «привлечь (т.е. присоединить – И.Л.) на сторону России монголо-тибето-китайский Восток»⁹⁴. «Доктор тибетской медицины», зная негативное отношение на окраинах Китайской империи к правящей в Пекине династии Цинов, планировал организовать восстание против императора, после чего давние симпатии на Востоке к «белому царю» привели бы, по его мнению, неханьские народы под скипетр Романовых⁹⁵. Для реализации своего замысла «совершенно частным образом, не вовлекая правительство в неприятности»⁹⁶, П.А. Бадмаеву требовалось «иметь сношения с восточными пунктами и лицами». Они «будут развозить мануфактурные и галантерейные товары, железные изделия, огнестрельные оружия с их принадлежностями, сушёные грибы и скупать всё, что производят Монголия и Тибет полезного для Забайкалья»⁹⁷.

Записка П.А. Бадмаева, как видно из её содержания, явно распадается на две части: проект отторжения значительной части территории Китайской империи с использованием народно-освободительного движения, который, несомненно, был детищем самого П.А. Бадмаева, и попытка привязать эту фантастическую программу к идее железнодорожного строительства с последующими планами масштабного развития торговли и сбыта продукции русской промышленности и т.п., за чем явно просматриваются идеи С.Ю. Витте. Можно сказать, что до определённой степени записка П.А. Бадмаева стала вариантом, в котором смутные соображения С.Ю. Витте об экономическом значении Сибирской дороги,

на пути от Лан-чжоу-фу до Си-ань-фу и Хань-чжоу-фу и обратно (28-го июля – 4 октября 1888 г.) // Труды русских торговых людей в Монголии и Китае (Записки Восточно-Сибирского отдела ИРГО по общей географии. Т.1. Вып.1). Иркутск, 1890. С.1).

⁹⁴ За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С.51, 52, 68, 69, 73 и др.

⁹⁵ Заявления П.А. Бадмаева о повсеместных симпатиях к России на Востоке не соответствовали действительности. Так, русские экспедиции в Центральной Азии постоянно сталкивались с недружественным, а иногда и враждебным отношением к себе местного населения, неоднократно подвергались нападениям (Вести из экспедиции Роборовского // Известия Императорского Русского Географического общества. 1895. Вып.3. С.371; Тибетская экспедиция 1899–1901 гг. П.К. Козлова // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. 1902. Т.4. Вып.2. С.66–68 и др.). Не более были расположены к России и власти. Известный шведский путешественник Свен Гедин ознакомился в Тибете с распоряжением, предписывавшем населению препятствовать проникновению в запретную страну европейцев и русских, что было оговорено особо. Население Тибета, по утверждению путешественника, вообще ничего не знало о России (Гедин С. Приключения в Тибете. Берлин, [1923]. С.124, 163).

⁹⁶ За кулисами... С.75.

⁹⁷ Там же. С.69.

высказанные им в 1892 г., нашли более конкретное воплощение⁹⁸. Поэтому не удивительно, что министр финансов дал высокую оценку сочинению «доктора тибетской медицины» («весьма серьезные взгляды»), особенно С.Ю. Витте понравились его рассуждения о возможной опасности для Сибирской железной дороги со стороны европейцев (всяческие козни, вплоть до захвата слабо охраняемых её участков и Приморья китайскими руками), которым следовало эффективно противостоять. Свои благоприятные соображения вместе с запиской П.А. Бадмаева С.Ю. Витте представил Александру III 5 марта 1893 г.⁹⁹ Царь, восхитившись грандиозностью замысла, не дал немедленного согласия на строительство железной дороги в пределах Китая, но идея экспансии России в Китае явно пришлась самодержцу по душе.

Однако предложение строить русскую железную дорогу в Китае противоречило взглядам Александра III, решившего прокладывать Сибирскую магистраль только по русской территории. Возможно, что бадмаевская записка поколебала твердость самодержца. Интересно, что П.А. Бадмаев в сопроводительном письме С.Ю. Витте несколько иначе расставил акценты, подчеркнув угрозу со стороны Китая русскому Дальнему Востоку и строящейся Сибирской дороге¹⁰⁰. Подобные опасения были весьма распространены в те годы в России. Это, по-видимому, показалось С.Ю. Витте убедительным, он и сам написал Александру III о недопустимости желанного для Запада русско-китайского конфликта. Министру финансов было также близко стремление П.А. Бадмаева искать интересы России, в том числе – экономические, на Востоке. Тогда С.Ю. Витте был уверен, что Россия – «мир особенный», ближе к Востоку, чем к Западу¹⁰¹. По мнению сановника, «история распространения нашего влияния в азиатских странах доказывает, что усилия частных людей, ни в чём не связывающие и даже не затрудняющие правительство, равно ни в чём не обязывающие, тем не менее, нередко весьма ценно готовят государству благоприятную почву для соответствующих действий сообразно с обстоятельствами»¹⁰². Давая «добро» П.А. Бадмаеву на осуществление его замыслов, С.Ю. Витте, по-видимому, надеялся на создание аналога английским «хартерным компаниям» (Chartered Companies), которые, будучи частными обществами, пользовались льготами и поддержкой имперской власти. Но П.А. Бадмаев имел в виду совсем другое: он хотел, чтобы его деятельность была оплачена из русской казны. Более того, предприниматель требовал, чтобы торговый дом находился «под исключительным покровитель-

⁹⁸ Романов Б.А. Указ. соч. С.61–64.

⁹⁹ ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.585. Л.3–9.

¹⁰⁰ За кулисами... С.75–76.

¹⁰¹ Там же. С.79.

¹⁰² Там же. С.81.

ством представителей государства и властей окраины, которые, не требуя подробных объяснений по существу дела, должны сочувствовать и всегда содействовать» ему!¹⁰³ Поэтому, говоря о поддержке бадмаевских планов со стороны министра финансов, надо иметь в виду, что она была временной и частичной, носила конъюнктурный характер. С.Ю. Витте стремился использовать усилия «доктора тибетской медицины» для осуществления собственной программы государственной экспансии России на Дальнем Востоке. Исполнять все просьбы П.А. Бадмаева и тем более передавать в его руки инициативу на Дальнем Востоке министр финансов не намеревался. Это отношение С.Ю. Витте проявилось уже летом 1893 г., когда он начал тормозить выдачу П.А. Бадмаеву ссуды в 2 млн. руб., обещанной монархом. Сановник намекал, что это бессмысленная трата средств, что проситель не имеет разработанного плана, поэтому перспективы возврата денег сомнительны, апеллируя, по-видимому, к скупости монарха¹⁰⁴.

П.А. Бадмаев пожаловался на С.Ю. Витте Александру III и тот повелел средства выдать. Но контроль за деятельностью просителя был возложен на министра финансов. С.Ю. Витте воспользовался этим и несколько подпортил успех «доктора тибетской медицины», разбив ссуду на четыре части (по 500 тыс. руб.) и обусловив каждую выдачу согласием императора¹⁰⁵. Получив первые деньги, предприимчивый аферист 11 ноября 1893 г. основал в Петербурге «Торговый дом Бадмаев и К^о» и отправился в Забайкалье. 3 февраля 1894 г. он прибыл в Читу и приобрёл там гостиницу, начал скупать дома, лавки и участки земли в Забайкалье, основал газету «Жизнь в Восточной окраине», выходящую на русском и бурятском языках в 1895–1897 гг. Коммерческая деятельность являлась не главным занятием фирмы П.А. Бадмаева. Так, служебная инструкция для работников его торгового дома больше напоминала пособие для разведчиков¹⁰⁶. От служащих требовалось не только вести пропаганду среди населения, но и заниматься сбором сведений о быте, занятиях людей, о ценах на товары, об отношении к России и т.п.

Организационные хлопоты заняли большое время. Между тем 20 октября 1894 г. умер Александр III, и П.А. Бадмаеву предстояло убедить нового царя в необходимости и важности своих планов. В общем Николай II имел представление о дальневосточной политике своего отца. Еще осенью 1893 г. С.Ю. Витте по поручению Александра III должен был ознакомить наследника престола с бадмаевским предприятием¹⁰⁷. Но будет ли молодой царь сторон-

¹⁰³ Записка П.А. Бадмаева 23 марта 1895 г. // РГИА. Ф.797. Оп.96. Д.116. Л.30 об.

¹⁰⁴ За кулисами... С.85–86.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.585. Л.73.

¹⁰⁶ Там же. Л.78–82.

¹⁰⁷ Там же. Д.585. Л.70.

ником прежних планов – это оставалось вопросом. Нужна была поддержка, и П.А. Бадмаев нашёл себе заступника в лице Э.Э. Ухтомского. Князь, известный горячим интересом к Востоку, сблизился с Николаем, тогда ещё наследником престола, сопровождая его в путешествии по странам Азии. Э.Э. Ухтомский был одним из тех, кому молодой император доверял и к чьему мнению прислушивался. В сохранившихся за 1894–1895 гг. письмах Э.Э. Ухтомского Николаю II много места отведено деятельности П.А. Бадмаева. Князь не только сам уверовал, но и стремился убедить самодержца в том, что «наше будущее – в монголо-тибето-китайском районе» и всячески поддерживал планы «доктора тибетской медицины»¹⁰⁸.

Однако дружба П.А. Бадмаева с Э.Э. Ухтомским продолжалась недолго. Уже в 1896 г. князь принял сторону С.Ю. Витте, «разглядев» в П.А. Бадмаеве афериста¹⁰⁹. «Прозрение» Э.Э. Ухтомского по-видимому произошло не без участия С.Ю. Витте: получив в 1895 г. в своё распоряжение газету «Санкт-Петербургские ведомости» для пропаганды перспектив России на Востоке, он неизбежно должен был искать общий язык с министром финансов как главным архитектором этой политики. Посредником в их сближении был, по-видимому, князь В.П. Мещерский¹¹⁰. Обиженный П.А. Бадмаев в ответ составил настоящий донос на Э.Э. Ухтомского, написав Николаю II в декабре 1896 г., что он труслив, излишне привержен сплетням, склонен к заискиванию и вообще не понимал политику Александра III¹¹¹. Однако донос на князя успеха не имел: император сохранил своё расположение к Э.Э. Ухтомскому и даже открыто солидаризировался с его взглядами¹¹². В общем, всё это свидетельствовало о том, что в новое царствование П.А. Бадмаеву не удалось найти себе надёжную поддержку в верхах и ему оставалось уповать в основном на личное расположение Николая II. До определённой степени он преуспел: самодержец как минимум дважды в начале 1895 г. (24 февраля и 26 марта) принимал П.А. Бадмаева и улыбался от него «много занимательного и увлекательного» для себя¹¹³.

Возможно, вследствие изменившихся обстоятельств П.А. Бадмаев стал осторожнее, прекратил напоминать о себе фантастическими прожектами.

¹⁰⁸ Э.Э. Ухтомский – Николаю II 22 марта 1895 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.1370. Л.11.

¹⁰⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.438–439.

¹¹⁰ К.П. Победоносцев 6 января 1896 г. предупреждал Николая II: «По всем признакам князь Ухтомский принимает советы и инсинуации от Мещерского» (Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т.2. М., 1926. С.312). Связь Э.Э. Ухтомского с сотрудниками «Гражданина» отмечал также А.А. Киреев (дневник А.А. Киреева. Запись 20 января 1896 г. // ОР РГБ. Ф.126. К.13. Л.45).

¹¹¹ За кулисами... С.103.

¹¹² Дневник А.А. Киреева. Запись 3 мая 1897 г. // ОР РГБ. Ф.126. К.13. Л.116 об.

¹¹³ Дневники императора Николая II. М., 1991. С.66, 71.

Так, в записке, посвящённой японо-китайской войне 1894–1895 гг., П.А. Бадмаев подчеркнул недопустимость для России немедленных территориальных приобретений в Китае и необходимость заставить Японию отказаться от аннексии китайских земель, что полностью соответствовало официальной позиции Петербурга по отношению к конфликту¹¹⁴. В конце 1894 г. он уже рассуждал только о возможности присоединения Монголии и, «быть может», Маньчжурии к России, а также о том, что после Читы Сибирская железная дорога «вероятно, должна пройти через теперешние китайские владения»¹¹⁵. Это очень походило на идеи, циркулировавшие в начале 1895 г. в Министерстве финансов: вести Сибирскую магистраль из Забайкалья до Владивостока по китайской территории. Однако П.А. Бадмаев настаивал на своих планах, предлагая сооружать железную дорогу по направлению к Ляодунскому полуострову. В начале 1896 г. он представил Николаю II целую серию записок разных авторов, направленных против проекта КВЖД¹¹⁶. Похоже, что П.А. Бадмаев, окрылённый поддержкой царя, вступил в соперничество с министром финансов за влияние на определение русской политики на Дальнем Востоке.

Считая, по-видимому, что в Петербурге его позиции прочны, П.А. Бадмаев в начале 1896 г. снова отправился в Китай. Он записал в агенты своего торгового дома многих видных людей: тьяньцзинского купца А.Д. Старцева, Н.И. Гомбоева в Пекине, сына русского консула в Урге Я.П. Шишмарёва, доверенное лицо тибетского далай-ламы А. Доржиева¹¹⁷. Эмиссары бадмаев-

¹¹⁴ За кулисами... С.83–92.

¹¹⁵ Выписки из доклада помощника начальника Управления по сооружению Сибирской железной дороги. б/д. (входящий штамп – 31 декабря 1894 г.) // РГИА. Ф.265. Оп.2. Д.622. Л.358.

¹¹⁶ За кулисами... С.101.

¹¹⁷ Бурят Агван Доржиев (1853–1938) в 18 лет отправился из Забайкалья в Тибет для получения духовного образования. Позднее он успешно сдал экзамен на учёную степень и вошел в число лам, состоявших при далай-ламе. С конца 1880-х гг. А. Доржиев выступал за сближение Тибета с Россией как необходимое условие достижения государственной независимости. Во второй половине 1890-х гг. он выполнял дипломатические поручения тибетских правителей в России, пытался убедить российское правительство оказать поддержку Тибету в его стремлении к независимости. А. Доржиев опекал представителя П.А. Бадмаева бурята О. Жигмитова, когда тот нелегально прибыл в Лхасу. Конечно, он не был агентом П.А. Бадмаева, но поддерживал с ним контакты. Однако дипломатические визиты А. Доржиева в Россию и его встречи с Николаем II так и не привели к какому-либо важному для далай-ламы результату (Записка А. Доржиева. Декабрь 1901 г. // РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.64. Л.11–15). Об А. Доржиеве существует немалая литература: Б-н Л. [Берлин Л.] Хамбо Агван Доржиев // Новый Восток. 1923. №3. С.139–156; Андреев А.И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб., 2006; Заятуев Г.Н. Цанид-хамбо Агван Доржиев. Улан-Удэ, 1991; Snelling J. Buddhism in Russia: the Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Rockport, Mass. 1993 и др.

ского предприятия были посланы даже в Шанхай и Ханькоу (Южный Китай) для борьбы с английским влиянием. Главной своей целью на тот момент П.А. Бадмаев объявил создание караванного верблюжьего пути от Ляодунского полуострова через Маньчжурию и Монголию до Читы, намереваясь таким образом конкурировать (!) с Сибирской железной дорогой¹¹⁸. В Министерстве финансов внимательно следили за деятельностью «доктора тибетской медицины» на Дальнем Востоке, не оказывая поддержки, но и не препятствуя ему.

Активность П.А. Бадмаева в Китае требовала больших средств. В марте 1896 г. хозяин торгового дома сообщил товарищу министра финансов П.М. Романову, что у него кончились деньги, так как с согласия С.Ю. Витте он расширил своё предприятие, а министр финансов обещал ему к лету 1 млн. рублей. Пока же он заявил, что вынужден приостановить отправку своих агентов в различные районы Китая¹¹⁹. В октябре 1896 г. П.А. Бадмаев засобиравшись в Петербург. Надо было просить ещё денег, поэтому 17 ноября 1896 г. он разослал очередную записку, в которой повторил излюбленный тезис о фиктивности власти богдыхана и необходимости борьбы за овладение Китаем. П.А. Бадмаев жаловался на местные власти: он-де действует в интересах России, а ему не помогают. Видимо, и этим в том числе «доктор тибетской медицины» стремился объяснить ограниченность своих достижений. А они выглядели весьма скромно: П.А. Бадмаев сообщил, что хутухте Ажа-гыгёну, якобы имевшему 30-тысячное войско и собиравшемуся воевать с мусульманами (!), требовалось русское оружие. Он также обещал установить контакты с далай-ламой через уже упоминавшегося А. Доржиева¹²⁰. 16 декабря 1896 г. «доктор тибетской медицины» обратился с письмом к Николаю II¹²¹. Угождать С.Ю. Витте уже не требовалось, и в этом письме П.А. Бадмаев впервые развел вопросы торгово-политического влияния России и присоединения «монголо-тибето-китайского Востока», чем открыто продемонстрировал отсутствие тесной связи этих программ. Но письмо было написано не для этого: помимо частных вопросов, П.А. Бадмаев просил новых денег. На развитие торговли ему требовалось ещё 2 млн. рублей, а на присоединение Востока к России – «много больше» (по словам Э.Э. Ухтомского – 20 млн. руб.). П.А. Бадмаев врал, что только в Пекине он имеет товаров на 500 тыс. руб.

¹¹⁸ Д.Д. Покотилов – П.М. Романову 12 декабря 1895 г. и 22 апреля 1896 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.105. Л.41–41 об., 142–142 об.

¹¹⁹ П.А. Бадмаев – П.М. Романову из Пекина 21 марта 1896 г. // ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.530. Л.3.

¹²⁰ РГИА. Ф.797. Оп.96. Д.116. Л.36–45.

¹²¹ За кулисами... С.108–110. В публикации документ назван запиской без даты. Подлинник же помечен 16 декабря 1896 г. (РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.207. Л.1–2).

что оборот его дома в столице Китая – 1 млн. руб. Знающий положение дел П.А. Бадмаева Э.Э. Ухтомский говорил, что всё имущество его торгового дома можно оценить в 130 тыс. руб.¹²²

Николай II по-видимому воспринимал П.А. Бадмаева и его прожекты как часть замыслов своего родителя, к чьей памяти он относился весьма трепетно. Кроме того, последний российский самодержец и сам оказался склонен к различным авантюрам на Востоке. Не удивительно, что он благосклонно отнёсся к просьбе, и 19 декабря 1896 г. П.А. Бадмаев уведомил С.Ю. Витте о решении царя выдать ему 2 млн. рублей, а затем и ещё по мере надобности¹²³. Для министра финансов дело стало приобретать серьёзный оборот: при такой финансовой поддержке П.А. Бадмаев мог существенно помешать его планам. Получалось, что Николай II, обещав аферисту деньги, ставил под сомнение программу С.Ю. Витте. Реакция министра финансов оказалась резкой: он заявил, что «у него нет денег, и если государь император соизволит повелеть ему выдать эти два миллиона, то он будет просить Ваше величество указать источник, откуда он, министр, мог бы выдать эту сумму»¹²⁴. Это, по-видимому, произвело впечатление.

В завершение этого периода своей деятельности П.А. Бадмаев 15 января 1897 г. представил Николаю II доклад о своей поездке в Китай и Монголию¹²⁵. Ему грезилось, что он стал центром жизни Дальнего Востока: якобы появление «доктора тибетской медицины» возбудило «весь буддистский мир», к нему в Читу «стали съезжаться буряты, монголы и главным образом ламы», сам он рассылал в разные концы Китая агентов. Для утверждения своего престижа П.А. Бадмаев купил в Пекине два дома на Посольской улице – в одном из самых дорогих мест китайской столицы¹²⁶.

Однако в действительности всё было гораздо хуже. Бесплезность деятельности П.А. Бадмаева быстро стала очевидной. Так, русский дипломат в Урге В.Ф. Люба сообщал приамурскому генерал-губернатору С.М. Духовскому, что служащие торгового дома занимались в основном распространением

¹²² Выписка из частного письма А.И. Павлова 2 июня 1897 г., сделанная для Николая II // АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.106. Л.120 об., 122.

¹²³ За кулисами... С.101.

¹²⁴ Там же. С.101–102.

¹²⁵ Там же. С.104–108.

¹²⁶ Корсаков В.В. Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине, май – август 1900 г. СПб., 1904. С.226, 228. После краха предприятия эти дома предполагало приобрести правление КВЖД, но П.А. Бадмаев вместо 55 тыс. лан, которые он, по слухам, намеревался выручить за эти здания, заломил цену в 200 тыс. лан, и сделка не состоялась (РГИА. Ф.323. Оп.1. Д.1097). «Доктор тибетской медицины» продал их в январе 1916 г. некоему британскому подданному С.Б. Талати за 161,3 тыс. руб. (ЦГИА СПб. Ф.2300. Оп.1. Д.11. Л.5–7).

слухов о родстве П.А. Бадмаева с «белым царем». «На службу дому, – отмечал В.Ф. Люба, – набраны были лица, совершенно не знакомые с условиями торговли в Монголии и не имевшие даже желаний ознакомиться с местными обычаями, порядками и пр[очее] или же выгнанные со службы за взяточничество и др[угие] прегрешения чиновники и запасные офицеры, ни с которой стороны не подготовленные к предстоявшему им роду деятельности»¹²⁷. Аналогичного мнения о торговом доме П.А. Бадмаева придерживался духовный глава бурят хамбо-лама Ч.И. Иролтуев. В 1898 г. ему был совершенно ясен коммерческий крах бадмаевского предприятия¹²⁸. Впрочем, торговля в деятельности этой фирмы была явно не на первом месте, её размер был незначителен. Так, для операций в Монголии в 1896 г. торговый дом закупил мануфактуры всего на 18 226 руб. 07 коп., посуды – на 602 руб. 45 коп., железа – на 2 696 руб.¹²⁹

Когда неудачу торгового дома уже невозможно было скрывать, П.А. Бадмаев составил проект нового акционерного общества торговли, промышленности и перевозки грузов на Дальнем Востоке¹³⁰. Это общество должно было прийти на смену неудавшемуся предприятию для осуществления всё тех же целей: «захватить в Монголии, Маньчжурии и Северном Китае в свои руки все главные отрасли торговли и промышленности»¹³¹, превратить огромную территорию в скотоводческое хозяйство. В проекте оговаривались значительные льготы обществу: обязанность (!) государства содействовать бадмаевскому предприятию, приравнивание его сотрудников к государственным служащим, право свободного доступа в Китай. Естественно, что Министерство финансов не утвердило такой устав.

На сей раз С.Ю. Витте постарался поставить бадмаевским прожекткам надёжный заслон. Вторую двухмиллионную ссуду, несмотря на благосклонность Николая II, П.А. Бадмаев так и не получил. В 1898 г. ему удалось выпросить пособие в 250 тыс. руб. под обещание оставить в покое политику и возратить уже потраченные два миллиона. Деньги были выданы ему 24 января 1898 г. из так называемого «лихунчжанского фонда», созданного для дачи взяток китайским сановникам¹³². Получив их, П.А. Бадмаев немедленно отправился в Пекин. Появившись там в феврале 1898 г. с многочисленной бу-

¹²⁷ РГИА. Ф.1626. Оп.1. Д.207. Л.3 об.

¹²⁸ Д.М. Позднеев – П.М. Романову 24 августа 1898 г. // РГИА. Ф.560. Оп.29. Д.135. Л.31–33.

¹²⁹ Приамурские ведомости. 1897. 6 июля. №184.

¹³⁰ РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.48.

¹³¹ Там же. Л.108–108 об.

¹³² П.А. Бадмаев – Николаю II 21 января 1898 г. и резолюция Николая II 23 января 1898 г. // Там же. Оп.2. Д.211. Л.1; Романов Б.А. Лихунчагский фонд // Борьба классов. 1924. №1–2. С.112, 124.

рятской свитой, он разглагольствовал, что подорвёт «эксплуатацию различных хищников в Сибири и таковых же хищников-китайцев – в Монголии», развернёт там русское производство и затянет мёртвую петлю на влиянии англичан в Китае. Однако для решения этой задачи он всего лишь закупил на несколько тысяч рублей товаров, отправив их караваном в Читу¹³³. «Доктор тибетской медицины» ещё раз попытался вернуться к плану сооружения железной дороги до Ланчжоу в связи с начавшимися контактами с далай-ламой. На сей раз он натолкнулся на категорическое сопротивление военного министра А.Н. Куропаткина, заявившего Николаю II об опасности расширения России на Восток, несмотря на желание самодержца помочь тибетскому первосвященнику в обретении независимости¹³⁴.

Естественно, что выданные П.А. Бадмаеву 250 тыс. руб. быстро иссякли, после чего всякая активность торгового дома уже окончательно прекратилась. 28 февраля 1903 г. С.Ю. Витте доложил Николаю II, что Государственный банк имеет векселя П.А. Бадмаева на 2 млн. руб., по которым не поступило ещё ни одного платежа¹³⁵. 26 ноября 1903 г., когда настал срок погашения векселей, доктор тибетской медицины вновь ходатайствовал о финансовой помощи, но на сей раз царь повелел оставить прошение без последствий¹³⁶. П.А. Бадмаеву пришлось признать своё полное фиаско: он попросил учредить администрацию по делам торгового дома и передать его баланс Государственному банку¹³⁷.

Вскоре «доктор тибетской медицины» снова напомнил о себе: 1 января 1904 г. он обратился с письмом к министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу¹³⁸. К письму была приложена записка¹³⁹. На сей раз главным предметом его интереса стал Тибет. Вспомнил П.А. Бадмаев о Тибете не случайно: как раз в это время английский вооружённый отряд под командованием Ф. Янхазбенда двигался по направлению к Лхасе, и предприимчивый деятель решил вновь предложить свои услуги. В его представлении теперь уже Тибет, как ещё недавно город Ланчжоу, оказался центром мировой политики: «Кто будет господствовать над Тибетом – тот будет господствовать над <...> всем буддийским миром <...> и над всем Китаем»; «японский вопрос – нуль в сравнении с вопросом тибетским» и т.п. На сей раз резолюция Николая II была категоричной: «К сожалению, я больше не доверяю словам Бадмаева»¹⁴⁰.

¹³³ Корсаков В.В. В старом Пекине. Очерки из жизни в Китае. СПб., 1904. С.36–40.

¹³⁴ Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 7 апреля 1898 г. (копия) // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.1871. Л.19–19 об.

¹³⁵ ГАРФ. Ф.543. Оп.1. Д.585. Л.116.

¹³⁶ Там же. Л.117.

¹³⁷ Там же. Л.120–121.

¹³⁸ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.581. Л.12.

¹³⁹ За кулисами... С.110.

¹⁴⁰ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.581. Л.51 об.

Последние попытки реанимировать свой торговый дом П.А. Бадмаев принял в 1905–1906 гг. Но фирма уже практически не существовала. В.Ф. Люба сообщал из Урги, что деятельность торгового дома в Монголии полностью прекратилась, о нём напоминали лишь два дома в Урге, «приходящих без ремонта в полный упадок, да несколько жалких станционных домишек бурятского типа и постройки между Кяхтой и Ургой, <...> крайне неудачная в течение двух лет гоньба русских почт между Кяхтой и Калганом, и, наконец, жалкая торговля с совершенно неподходящим выбором товаров и в неумелых руках – вот всё, к чему свелась в Монголии и на чём оборвался деятельность этого столь много на шумевшего в своё время предприятия»¹⁴¹.

1.8. Железнодорожные планы С.Ю. Витте

Дороги С.Ю. Витте и П.А. Бадмаева окончательно разошлись к концу 1895 г. Уже осенью 1895 г., когда появился слух о восстании мусульман в китайской провинции Ганьсу, министр финансов немедленно отреагировал на это всеподданнейшей запиской 3 октября 1895 г. В ней он заявил, что обстоятельства, необходимые для реализации бадмаевского плана, изменились (японо-китайская война), поэтому дальнейшая деятельность «доктора тибетской медицины» стала невозможной. По мнению министра финансов, требовалось «коренное изменение в постановке нашей дипломатии на Дальнем Востоке». С.Ю. Витте объявил себя сторонником исключительно мирного проникновения в Китай, в частности посредством «линии Сибирской железной дороги через Маньчжурию по направлению к Владивостоку»¹⁴². Он собирался действовать по собственному плану, значительно отличавшемуся от фантазий П.А. Бадмаева¹⁴³.

Программа проникновения в Китай была частью более широких геополитических мечтаний С.Ю. Витте, созревших у него не позже первой половины 1895 г. Центральная Азия, с точки зрения министра финансов, «должна быть нашей не в

¹⁴¹ АВПРИ. Ф.143. Оп.491. Д.581. Л.17–17 об.

¹⁴² ГАРФ. Ф.601. Оп.1. Д.688.

¹⁴³ Совсем иную трактовку собственной политики С.Ю. Витте дал в воспоминаниях. Упомянув о своём знакомстве с П.А. Бадмаевым, которого он конечно же быстро раскусил как политического интригана и денежного афериста, министр финансов очень глухо и путанно изложил историю возникновения идеи КВЖД. Если следовать тексту его мемуаров, то получится, что проект возник едва ли не спонтанно во время подготовки коронации Николая II, то есть в начале 1896 г., для ускорения строительства Сибирской железной дороги и как ответ на прожекты П.А. Бадмаева, желавшего вести дорогу через Кяхту в Пекин с второстепенной веткой до Владивостока (Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т.1. Рассказы в стенографической записи. Кн.1. СПб., 2003. С.438–446). У С.Ю. Витте было достаточно веских причин, чтобы избегать детального повествования, поэтому его версия об обстоятельствах подготовки русско-китайского соглашения оказалась далека от действительности.